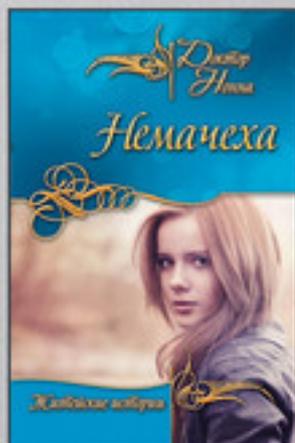

Доктор Нонна

Приворот

Часть сборника
Немачеха (сборник)

Житейские истории

Доктор Нонна
Приворот

«ЭКСМО»

2012

Нонна Д.

Приворот / Д. Нонна — «Эксмо», 2012 — (Житейские истории)

ISBN 978-5-457-09250-1

Лариса уже определила для себя цель. Приглашения на работу попадались едва ли не на каждом углу, но требовались в основном маляры, слесари, дворники. Девушка с утра до ночи обходила московские учреждения, но – увы! Даже там, где обнаруживалась вакансия секретаря или хотя бы помощника делопроизводителя, в отделах кадров скептически поджимали губы: специального образования нет, опыта нет, московской прописки нет – извините, вы нам не подходите. Вечерами Лариса частенько плакала в подушку, но утром вновь бросалась на поиски. Недели через три уже и слез не осталось, одно упрямство. Ведь аттестат-то у нее почти «золотой», должно же когда-то повезти! Вернувшись «домой», она с наслаждением сбрасывала туфли, долго держала гудящие ноги в теплой воде и – проваливалась в сон, как в темную пропасть. Неля чуть не каждый вечер приводила каких-то «полезных» гостей, кокетничала, смеялась, очаровывала, но уставшая насмерть Лариса даже не слышала веселья в соседней комнате. Только часа через три она просыпалась от невыносимого голода и брела на кухню.

ISBN 978-5-457-09250-1

© Нонна Д., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

1. Осколки	6
2. Пустота	8
3. Суженый	10
4. Невеста	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Доктор Нонна Приворот

Велика сила, присущая человеческой воле. Ибо воля является источником таких духов, с которыми разум ничего общего не имеет.
Парацельс

Объект приворота теряет собственную волю в той степени, в какой этого желает лицо, накладывающее приворот. Наиболее распространены привороты на любовь. Ритуалы, направленные на создание дружеской, вассальной или военной верности встречаются значительно реже.

...Как при любой магической манипуляции, негативные последствия приворота усиливаются, если ритуал, будь то по незнанию либо легкомыслию, совершается в период действия другого магического акта.

...Поскольку приворот направлен на разрушение естественной связи объектов и событий, степень его негативных последствий не зависит от успешности акта, а лишь от силы задействованных в нем стихий, сильнейшей из которых является Огонь. Приворот, сделанный на крови, относится к необратимым.

...Последствия приворота нередко уподобляют кругам на воде, постепенно захватывающим все большее количество людей, связанных как с объектом воздействия, так и с лицом, накладывающим приворот. В случае если это лицо – женщина, влияние распространяется также на последующие поколения тем далее, чем более сильные стихии были вовлечены в магический акт. Наиболее тяжелые последствия испытывает непосредственно объект приворота, постепенно утрачивая деньги, положение в обществе, здоровье, а зачастую и жизнь – в течение не более чем двенадцати лет с момента обращения к темным силам.

...Единственным способом прекратить разрушительное воздействие необратимых магических актов является полная смена имени и судьбы. Так, лицо, непосредственно либо опосредованно попавшее под действие приворота, искренне и полно отдав себя во власть Всевышнего, тем самым освобождает от власти темных сил и себя, и тех, кто вовлечен в последствия совершенного некогда магического акта.

Джозеф де Кюрнес.

Путь Магдалины-Сивиллы фон Нейшютц.

1732, Дрезден

1. Осколки

– Ну и пусть «детям до 16»! У тебя паспорт есть уже, у Борьки тоже. Прорвемся! Давай еще Ларку позовем, а? – Мишка дернул спутницу за рукав.

Неля обернулась. Высокая длинноногая Лариса с неправдоподобно светлыми, как у Марины Влади в фильме «Колдунья» волосами и прозрачными «потусторонними» глазами казалась отделенной от толпы одноклассников. Вот как у нее получается? Вроде и идут вместе, а она все равно наособицу. Как же, полковничья дочь! Фу ты, ну ты!

– Мих, ты чего, совсем тупой? Мамочку ее не знаешь? «Учиться, учиться, учиться!» Как завещал великий Ленин, – Неля демонстративно выругалась и тряхнула головой так энергично, что прическа – черное блестящее «каре под Мирей Матье», на которую каждое утро уходила уйма импортного лака, едва выдержала.

– Да ладно, Нель! Думаешь, Ларка обязательно Елене Александровне настучит?

– К гадалке не ходи! А та директрисе нажалуется. Да зови кого хочешь, мне-то что! – Неля поджала ярко накрашенные губы. – Мне все равно ничего не будет.

Неле действительно сходило с рук многое. В крошечном Красногвардейске одной из «достопримечательностей» был новый «Гастроном». Им гордились – не хуже, чем в Москве! – большой, весь стеклянный, с мраморными полами. Нелина мама Людмила Анатольевна была директором этого магазина. Учителя с охотой «прощали» девочке и прогулы, и грубость, и наплевательское отношение к учебе. Когда Неле случалось проштрафиться, мать тут же тащила директрисе «подарочек». Правда, срабатывало это все же не всегда. Иногда ни продуктовые наборы, ни даже деньги не помогали. В седьмом классе Неле пришлось просидеть два года, но и это ее не огорчало. Подумаешь, закончит школу на год позже. Зато потом явится Принц На Белом Коне и... Ведь главное в жизни – любовь, разве нет? Вот бы еще фигурку, как у Ларки, чтобы конфет можно было есть, сколько хочется. Неля очень любила шоколад.

«И зачем отца из Германии перевели? – думала меж тем Лариса. – Вот там была жизнь!» И действительно: улицы чистенькие, люди вежливые, дом отдельный, мебель как из музея, на каминной доске – статуэтки дрезденского фарфора. Беленькая пастушка, вся в фарфоровых кружевах, была больше похожа на принцессу. Мама одевала Лару в такое же легкое, воздушное платье, и девочка кружилась, кружилась. В корзинке у пастушки-принцессы лежало кольцо с тремя бриллиантами. Камушки сидели не на одной линии, а «врассыпную», как неизвестное созвездие или буква какого-то древнего алфавита. Мама кольцо не любила, надевала только в гости к бабушке. Бабушки нет давно, и Германия осталась где-то далеко, вместе с детством. Сейчас-то Лара уже совсем взрослая, до аттестата рукой подать. Ну зачем, зачем отца сюда назначили? И школа при военной части была не чета здешней...

Вдруг перед глазами взметнулась быстрая тень. Лариса остановилась так резко, точно налетела на стену. Сердце бухало где-то в горле, пальцы похолодели...

– Лар, ты чего? Вороны испугалась? Да она сама тебя испугалась, вон как взлетела! Ты ж на нее чуть не наступила. Мечтаешь, да?

Лара вздохнула с облегчением – действительно, всего лишь ворона взлетела из-под ног. Повернула к дому и обрадовалась: у подъезда стоял «газик», значит, отец заехал пообедать. Знакомый солдатик – кажется, его звали Виктор, – старательно надраивал и так уже зеркально блестящие железные бока. «Вот глупость-то! – подумалось Ларисе. – Через полчаса заедут в какую-нибудь лужу и опять по уши грязные будут».

– Привет, красавица! – помахал ей Виктор. – Поторопи там Павла Ильича, а то опоздаем.

Лариса взлетела на третий этаж, пританцовывая, вбежала в квартиру, бросила в угол портфель – мама опять будет сердиться, мол, все надо на место класть, ну и пусть!

– Папуль! Я дома! Тебя там Виктор...

Отец лежал посреди кухни, уткнувшись лицом в отвратительно красную лужу.

– Папа?.. – Лариса упала на колени. Левую ногу пронзила острая боль. Ладонь попала в лужу, и Лариса с ужасом ее отдернула. Цвет был какой-то странный, остро пахло чесноком... Господи! Да это просто борщ!

– Папа! Что случилось? – Лариса затормошила отца, его тело тяжело перевалилось на спину, глаза стеклянно уставились в потолок...

Девочка в ужасе отшатнулась и закричала. Горло саднило, глаза заволокло каким-то туманом.

Виктор, примчавшийся на крик, вызвал «Скорую», позвонил в часть, позвал на помощь соседку. Лариса точно окаменела, не замечая ничего: ни суеты Виктора, ни людей в белых халатах.

– Девушка, у вас вся нога в крови! – санитар «Скорой» тряхнул ее за плечо и сказал кому-то за спиной: – Это она коленом на осколок тарелки угодила, вон кусочек торчит. Давай, солдат, помоги.

Вместе с Виктором они промыли рану, остановили кровь, сделали перевязку, но шрам остался на всю жизнь.

2. Пустота

На похоронах мужа Елена Александровна была кукла куклой: подтолкнут – идет, останавливается – застынет. Сослуживцы Николая Ильича бережно поддерживали ее под руки. Только когда солдаты приготовились к траурному салюту, она вырвалась и, увязая в разбросанной вокруг могилы глине, побежала к ним:

– В меня стреляйте! В меня! В меня! В меня-а-а-а!..

Светлая трехкомнатная квартира превратилась в склеп: в ней стало тихо, пусто и холодно. Военной пенсии вполне хватало на жизнь, но как раз жизнь из дома ушла. Вместе с отцом. Ушли радость, тепло, ушел смех, ушла душа. Елена Александровна двигалась по квартире, как сомнамбула, неожиданно застывая посреди прихожей или комнаты. Но чаще сидела, уставившись в одну точку. Когда Лара подсовывала ей тарелку с едой – ела, механически, без всякого выражения, роняла ложку и опять утыкалась взглядом в стену, комод или занавеску.

«Такой молодой, и инфаркт! И мать плоха совсем», – слышала Лариса соседский шепот за спиной. Но только голову выше поднимала и плечи расправляла.

Недели через три Елена Александровна начала как будто оживать, даже говорила «спасибо», когда Лара приносила ей чай. А возвращаясь из школы, девочка поднимала голову и видела в окне знакомый силуэт. Совсем как раньше.

Но в этот день за темно-прозрачными стеклами было пусто.

Елена Александровна лежала в ванне в самом красивом своем халате – пунцовом, с золотым шнуром по краям. От воды – такого же цвета, как халат! – поднимался пар, белый кафель тоже казался розовым, и только лицо матери было белым-белым. Как и рука, бесильно зацепившаяся за бортик ванны – на безжизненном пальце хищно блестели три бриллиантика.

Лара не помнила, как вызвала «Скорую».

После реанимации Елена Александровна уже никого не узнавала – даже дочь, – кидалась на стены и двери, выбила оконное стекло в палате. Медсестра в реанимации, утешая Ларису, говорила, что это временно, что нужно в стационар, что маме требуется специальная помощь...

Помощь?! Впервые приехав к матери в этот самый «стационар» под угрожающим названием «психоневрологический диспансер», Лариса ужаснулась: липкая от старости и грязи синяя масляная краска на стенах, потолки в мутно-желтых разводах, резкий запах хлорки, смешанный с еще более мерзким запахом мочи и еще каким-то, совсем гадким, от которого мутилось в голове и темнело в глазах. Только много лет спустя Лариса поняла, что это был запах смерти.

Директриса школы нажала на горисполкомовских чиновников – не ломайте девчонке жизнь, не ребенок уже, школу скоро заканчивает, да и мать, может, еще оправится – и в детдом Ларису не отправили. Иногда она думала – лучше бы отправили, там хоть люди вокруг. Квартира пугала своей мертвой тишиной, казалось, что и внутри, там, где раньше была душа, так же пусто.

Серые пыльные будни – в школу, домой, опять в школу, опять домой, раз в неделю к маме – освещались только визитами Нели. Она вдруг зачастила к Ларисе – еще бы, такая квартира простаивает! Поначалу еще спрашивала: «Ничего, что я приглашу кого-нибудь?», но вскоре начала распоряжаться квартирой, как своей. Холодильник ломился – спасибо Людмиле Анатольевне! – от дефицитных продуктов, музыка гремела на весь подъезд, разъяренные соседи ломались в дверь и даже вызывали милицию. Но Ларисе было наплевать: все, что угодно, лишь бы не эта мертвая пустота. С Нелькой ярко, шумно, весело, конфликты с

соседями и милицией решает всемогущая Людмила Анатольевна, а к маме ездите не ездите, как бы там кумушки ни шушукались за спиной, – все равно не поможешь...

– Девушка, что же вы трубку-то никогда не берете? – Визгливый голос вгрызался, кажется, в самую середину головы. – Это ваша мать, не наша!

– Мама? – растерялась Лариса.

– Ну да, Елена Александровна...

– Мама... Что с ней?

– Что-что! Кремировали, что с ней!

– Как... кремировали?

– Да вы что, пьяная, что ли? Или тоже не в себе? Я русским языком вам говорю! Как всех кремируют, так и ее. Вы на телефон не отвечаете, у больницы денег на похороны нет. Урну с прахом приедете, заберете, – и в трубке раздались короткие гудки.

Урна? С прахом?! Это про... маму?!!

Лариса задрала голову. Потолок. А выше? Небо? Они там, на небесах – что, совсем с ума сошли? Что я им сделала? За что у меня все отняли? Все-все. Все. Никакого неба – только потолок. И что теперь – повеситься? Некстати вдруг вспомнилось булгаковское «и вот сначала она долго плакала, потом стала злая-презлая». Разве я злая? – подумалось Ларисе. Хоть бы Нелька, что ли, поскорее пришла...

3. Суженый

Несмотря на Нелю и ее «вечный праздник», школу Лариса окончила почти отлично – всего с двумя четверками. Сказалась многолетняя привычка к учебе. Да и преподаватели ее жалели, не придирались. В Нелькином же аттестате клубились стада троек, слегка разбавленные редкими четверками.

– Подумаешь! – фыркала Неля. – Я в ГИТИС буду поступать, зачем мне эти физики с историями? Зато я изобразить могу все, что угодно. Даже заплакать! – Неля обиженно выпятила губы, темные глаза заблестели, по щеке скатилась крупная слеза, другая, третья... – Ну как?

– Да, впечатляет, – согласилась Лариса и вздохнула. – А я вроде и не знаю, куда хочу поступать. Понятно, что в Москву, но только не ГИТИС.

– Да с твоей внешностью в ГИТИС самая дорога, ты что?

Москва манила, как манит распахнутое в душной пыльной комнате окно: вроде бы в кресле сидеть и тепло, и привычно, а с улицы ветер холодный – но подойти тянет неудержимо. Подойти и дышать, и смотреть, и удивляться. Ведь два шага всего – до окна-то! Да и до Москвы не больше: автобусом или попуткой до станции, потом на электричку, потом еще на одну – в общем, всего ничего. А еще проще – попроситься в любой «проходящий» поезд, проводницы всегда попутчиков берут, тогда скучноватая дорога начинает казаться настоящим путешествием.

Людмила Анатольевна сняла для девушек двухкомнатную квартиру на Ленинградском проспекте. Женщина надеялась, что рядом с Ларисой ее Неля хоть немного возьмется за ум. Для Ларисы мать подруги нашла хороших квартирантов, и денег как раз хватало на московское жилье.

Впрочем, экзамены девушки завалили.

– Нель, надо работу подыскивать, а на будущий год опять попробуем, да? Я решила наконец – в «Плехановку» буду пробиваться. Хорошо бы работу по профилю найти, легче поступать будет.

– Да чего ты заладила – работу, работу. Денежек мамуля пришлет, а сейчас надо связи налаживать – «Мосфильм», телевидение и все такое, поняла? Может, еще и не придется год терять.

Но Лариса уже определила для себя цель. Приглашения на работу попадались едва ли не на каждом углу, но требовались в основном маляры, слесари, дворники. Девушка с утра до ночи обходила московские учреждения, но – увы! Даже там, где обнаруживалась вакансия секретаря или хотя бы помощника делопроизводителя, в отделах кадров скептически поджимали губы: специального образования нет, опыта нет, московской прописки нет – извините, вы нам не подходите.

Вечерами Лариса частенько плакала в подушку, но утром вновь бросалась на поиски. Недели через три уже и слез не осталось, одно упрямство. Ведь аттестат-то у нее почти «золотой», должно же когда-то повезти! Вернувшись «домой», она с наслаждением сбрасывала туфли, долго держала гудящие ноги в теплой воде и – проваливалась в сон, как в темную пропасть. Неля чуть не каждый вечер приводила каких-то «полезных» гостей, кокетничала, смеялась, очаровывала, но уставшая насмерть Лариса даже не слышала веселья в соседней комнате. Только часа через три она просыпалась от невыносимого голода и брела на кухню.

– Какая тут, оказывается, красotka есть! – От мужчины, на которого Лариса наткнулась в коридоре, несло коньяком, табачным дымом, дорогим одеколоном. И потом, перебивавшим все остальные запахи.

– Отпустите!

– Надо же, какая упрямая! А в кино сниматься хочешь, красавица? Давай поласковее, – он прижал ее к стене.

– Неля!! – в отчаянии закричала Лариса.

– Л-л-ларка! Н-не б-б-буянь! – Голос у выглянувшей из своей комнаты Нели заплетался, да и на ногах она держалась не слишком твердо. – Эт-т-то р-режиссер, кино снимает. Н-не об-бижай его!

«Режиссер», обрадованный поддержкой, мгновенно втолкнул Ларису в ее комнату и повалил на кровать...

Потом девушка долго стояла под душем и удивлялась, что ничего не чувствует. Совсем ничего. Даже отвращения. Ну вот, еще и это случилось. Такая полоса.

А ведь так хочется чистоты, одежды от лучших модельеров, сверкающих автомобилей... бриллиантов. Да, бриллиантов, а что плохого? Лара поглядела на свой сжатый кулачок – после смерти матери девушка носила то самое кольцо, не снимая. Казалось, кольцо связывает ее с той «принцессой» в кружевах, которой она была когда-то давно-давно...

На кухне громоздилась грязная посуда, из мандариновых корок торчали окурки, линолеум, облитый чем-то липким, противно чмокал при каждом шаге. Лариса, как робот, чистила, мыла, скребла – разве что окно мыть не стала. Как его мыть-то, в темноте?

Утром растолкала ее Неля:

– Лар, ну прости, что так получилось! Но Андрей Петрович – правда режиссер, он нам нужен. А уж тебя теперь точно сниматься возьмет.

Вальяжно развалившийся на кухонном диванчике «режиссер», изящно отставив мизинец, мелкими глоточками прихлебывал кофе и, несмотря на вальяжность, казался несколько смущенным:

– Чего ж ты не сказала, что девочка еще? Ладно, не горюй. Я подружке твоей адрес оставил. Приходите на студию, будем сниматься. Прямо сегодня и приходите, договорились?

После ухода гостя Неля запрыгала на диване:

– Ура! Сниматься! Лар, ты чего? Не рада, что ли?

– Рада! – огрызнулась Лариса. – Не хочу я ни в какое кино!

– С ума сошла! Может, тебе золотое приглашение нужно? Давай собирайся!

Студию искали долго: кривые переулки, заборы, дома без номеров.

– Вроде тут, – Неля показала на подвальную дверь.

Накачанный бритоголовый охранник, услышав магическое «К Андрею Петровичу», буркнул «Раздевайтесь!» и показал на обшарпанный диван.

– Ничего так фактурка, невинненькая, – он плотоядно осмотрел Ларису и подмигнул Неле: – А из тебя неплохая Госпожа выйдет, для тех, кто любит пожестче. Да раздевайтесь быстрее!

Девушки недоуменно переглянулись: наряды их были еще по-летнему легки. Раздевайтесь?

– Попочку, Оксана, завлекательнее поднимай! – донеслось из-за черной портьеры в углу. – И ляжки пошире разверни, не видно же ни черта! А ты, Максик, давай немного сбоку...

– Ты понимаешь? – ошарашенная Лариса повернулась к подруге. – Это же...

– Ну... – растерянно протянула Неля. – Но с чего-то надо же начинать!

– С порнографии?! – Лариса рванулась к двери.

– Куда, красотка? – перехватил ее охранник. – Отработаешь, тогда иди гуляй.

Лариса почувствовала, как где-то внутри вдруг взрывается ярость. Самая настоящая, которая «вскипает, как волна» и затопляет все. Да сколько же можно?! Никаких мыслей, одни рефлексy. Те, что тренировал когда-то папин шофер Витька. Она покосилась на шрам,

белым штрихом пересекавший круглое загорелое колено – повторяя: «Если придурок какой пристанет, сразу, не думая...»

«Не думая», Лара острым каблучком со всего маху наступила на громадный черный ботинок. Охранник взвыл. И – «сразу, не думая» – локтем вбок и назад, повыше. Витька – ох, спасибо ему! – говорил: «Неважно, куда попадешь – по кадыку, по губам или по носу. Главное – повыше, там везде больно, придурок офонареет, а ты успеешь убежать».

Лариса так и не поняла, куда она попала локтем, но Нелька уже отодвинула засов на входной двери...

– Ну ты даешь! – выдохнула она уже на улице.

– Приятели у тебя! – огрызнулась Лариса.

– Ну, Ларка, ну откуда я знала, – заныла Неля. – Как еще пробьешься-то?

– Давай быстрее отсюда, вдруг догонят.

Никто их, конечно, не преследовал. Через пару кварталов девушки наконец замедлили шаг и осмотрели друг друга. Вроде целы. Только всклоченные обе и красные, как помидоры.

– Девушки, вам помочь? Или подвезти куда? – рядом тормознула сверкающая черная «Волга».

Ой, нет, не «Волга», какая-то вовсе волшебная машина – как из заграничного кино, честное слово! Стекло с пассажирской стороны уехало совсем вниз, блеснули глаза в темных прямых ресницах, усмехнулись твердого очерка – тоже как из кино! – губы...

– Спасибо-спасибо, мы сами, – хором сообщили испуганные до дрожи в коленках девушки.

– Да пожалуйста!

Длинный сверкающий автомобиль умчался, как и не было.

– Дуры мы, дуры, – распричиталась Неля, добравшись домой. – Надо было попросить подвезти. Ты видела, какая тачка? Да еще и с шофером! Представляешь, какие у мужика связи!

– Нель, уймись. Представляешь, куда эта тачка могла нас завезти? И не нашли бы никогда. Тебе мало приключений? Как хочешь. Только уж теперь без меня, ладно?

С утра Лариса опять двинулась обходить московские тресты, управления, конторы. Транспортное управление «чего-то там газ» подвернулось ей через неделю, она поначалу и заходить-то туда не хотела. Транспортное? Значит, вагоны, бочки, мешки, грубые шоферы. Но дверь такая солидная, дубовая, с «золотыми» ручками. И на стенде «требуется» – вполне приличные специальности.

Выйдя из отдела кадров, Лариса обошла громыхавшую ведром уборщицу и устало опустилась на подвернувшийся стул. Все то же самое: прописки нет, опыта нет, а ваш аттестат... извините, девушка, вы нам не подходите. «Ну вставай же, – подгоняла себя Лариса, – хватит расслаживаться!» Но так хотелось помечтать: вот ее приняли, и она каждое утро открывает эту дубовую дверь, поднимается по лестнице с такими же блестящими дубовыми перилами, и начальник у нее – вон как тот, что сейчас спускается. Молодой совсем, в идеальных ботинках, с мягким кожаным портфелем, в безукоризненном костюме, с модельной стрижкой. «Ой, директор!» – всполошилась уборщица и потащила громыхающее ведро в конец коридора.

«Идеал» скользнул безразличным взглядом по фигурке возле отдела кадров – и у Ларисы вдруг оборвалось сердце: именно эти глаза в прямых темных ресницах и эти четко очерченные губы мелькнули за окном той сверкающей машины, что промчалась мимо них с Нелькой в прекрасную и богатую жизнь!

«Он будет моим мужем, чего бы это мне ни стоило!»

«Вот глупость-то какая в голову лезет», – оборвала себя Лариса. Но и в метро колеса выстукивали то же самое: «Он-будет-моим-мужем!» И по дороге к дому в голове на каждом шаге звенело: «Он – будет – моим – мужем!»

Уже у двери к горлу вдруг подкатила такая тошнота, что Лариса едва успела ворваться в квартиру и добежать до туалета.

– Лар, ты что? – всполошилась Неля.

Лариса, пошатываясь, вышла из туалета, на подламывающихся ногах доковыляла до ванной, прилегла виском на гладкую, твердую, такую надежную раковину и застыла, ловя холодную тугую струю, чтобы избавиться от мерзкого кисло-горького вкуса.

– Ты залетела, что ли? – ахнула Нелька.

Лариса вяло отмахнулась, с подзеркальника посыпались зубные щетки, Нелькины кремы, шипчики и лопаточки.

– Это... тогда? С Андрей Петровичем? И ты не предохранялась?!

– Как?! Откуда я знала, что твои гости на меня полезут? – огрызнулась Лариса. Только бы лечь, закрыть глаза и отключиться. Потом, все потом. Зачем она тащит меня на кухню?

Неля заставила ее выпить горячего сладкого чаю с лимоном, и Лара почувствовала, как дурнота потихоньку отпускает.

– Господи! – охала Неля. – И в больницу тебя без прописки ни в одну не возьмут!

– Зачем... в больницу?

– А ты рожать, что ли, собралась? Ненормальная! Ни кола, ни двора. Вот, блин, угрозило! Ладно, знаю я одну бабку, хорошая бабка, все сделает.

К бабке поехали в выходные. Далеко, на двух электричках, да еще на дребезжащем попутном грузовичке. Деревня Бобриха показалась Ларе заброшенным кладбищем: дряхлые, ушедшие в землю, почти черные от старости избы, вдали – маленькая серенькая церковка. Только дом бабки Ольги за крепким новым забором сиял свежевыкрашенными голубыми стенами и веселыми белыми наличниками. По двору шествовали важные толстые гуси и суетились пестрые куры, поодаль паслись три чистенькие кудрявые козочки, у крыльца развалился громадный рыжий котище.

Маленькая смуглая бабка Оля сверкнула неожиданно яркими, почти небесной голубизны глазами и, прижав правую ладонь Ларисы к своей морщинистой щеке, жарко зашептала:

– Кольцо твое сильное, но проклятое. Все в нем – и радость, и горе. Дитя от прохвоста носишь, да не выносишь, скинешь. Сама скинешь, без меня обойдется. Суженого своего ты видела уже. Бога-а-ат будет, на руках тебя носить станет, да только... ох, не твой он, хоть и суженый. Отдай мне кольцо, все у тебя будет!

Лариса вырвала руку из ее цепких пальцев и спрятала ее за спину:

– Это мамино...

– Ма-амино? – протянула бабка и усмехнулась. – Ну гляди, тебе жить. За суженым ко мне придешь, да за ребеночком еще. Все, уходите, девоньки.

Кот повернул к ним голову, потянулся – и одним махом взлетел на карниз крыши.

4. Невеста

– Лариска, иди сырье принимать!

После визита к бабке Ольге Лариса решила, что дальше обивать конторские пороги нет никакого смысла, и по первому попавшемуся объявлению устроилась ученицей в швейную мастерскую. Все-таки не маляр и не уборщица. Правда, учили ее не слишком прилежно, больше гоняли «подай – принеси». Например, «сырье» с заведующей принимать. «Сырьем» назывались толстые разноцветные рулоны – ситец, шелк, сукно – и пакеты с пуговицами, молниями или кнопками. Заведующая сверяла накладные, а Лариса таскала товар, вспоминая дурацкую картину «Ленин на субботнике». Рулоны были похожи на бревна.

Она подхватила длинное бирюзовое «бревно» – неудобно-то как! Низ живота как будто обхватило огненное кольцо. Лариса выронила «бревно» и почувствовала, как ногам становится мокро и горячо.

– Господи! – ужаснулась заведующая. – Что ж мне так на дур-то беременных везет! Эй, девчонки! Вызывайте «Скорую», у нас, похоже, опять выкидыш. Да саму Лариску оттащите в сторону, пока она весь товар кровью не изгвадала, не расплатимся потом!

Голос заведующей доносился глухо, как сквозь вату. От режущей боли потемнело в глазах...

...Хватит вспоминать! – уговаривала себя Лариса, глядя в чистое стекло, на котором красивым полукругом было выведено «АБЖУЛС ЯАНЧОВАРПС», а по бокам – то же самое по-английски и по-французски. Она давно выучила эту надпись наизусть.

«Посмотри, как сейчас хорошо», – твердила про себя девушка. Квартирка, конечно, крошечная и у черта на куличках – но ведь отдельная. Людмила Анатольевна вежливо объяснила, что деньги за красногвардейскую «трешку» по московским ценам – плюнуть и растереть. Пока они жили с Нелькой, имело смысл доплачивать, а теперь – извини. Нелька таки ухватила своего «прынца» и улетела с ним аж в Австралию, шлет теперь фотографии с кактусами, овцами и кенгуру. Все в порядке, шесть лет не зря прошли. Пусть не «Плехановка», а какой-то «дорожный» вуз, да еще и вечернее отделение, зато факультет экономический и диплом с отличием. Не зря же ее сюда взяли. Настоящий швейцарский банк! Ну... московский филиал, конечно, но таких... солидных на всю Москву раз-два и обчелся. Даже компьютеры на каждом столе – вот как все серьезно. И ничего, что взяли только в «справочную службу» («АБЖУЛС ЯАНЧОВАРПС!») – ниже только уборщицы – но ведь взяли! Главное – начать. Правильно мама говорила – учиться, учиться, учиться. И никаких мужчин. Хватит.

– Добрый день!

Господи! Опять эти глаза в темных прямых ресницах и твердого очерка губы! Мерещится, что ли? Да какое там – мерещится. Это же Он! Он! И бабка Оля говорила: «Суженого своего уже знаешь».

Лариса начала приподниматься со своего места, но Он уже прошел мимо, только безразличным взглядом скользнул – так же, как тогда, в своей транспортной конторе. Навстречу Ему спешил старший менеджер банка:

– Добрый день, Геннадий Михайлович, Эрнест Германович вас ждет, проходите.

Эрнестом Германовичем звали директора московского филиала. «Надо же! – подумала Лариса. – Знакомы, значит. А я почему-то никогда Его здесь не видела. Должно быть, они познакомились... например, в Швейцарии, куда Эрнест Германович летает на ежеквартальные совещания. Там чистые улицы, сверкающие автомобили, в зеркальных витринах отражаются красивые люди...»

Лариса открыла список посетителей. Вот: Геннадий Михайлович Кириллов, генеральный директор. И название транспортного управления вроде то же самое, что пять лет назад. Только теперь перед названием красовалось «СП» – «совместное предприятие». Надо же! Они ведь только-только появились, уж Лариса-то знала. Конечно, Он ее не вспомнил! Кто она, и кто Он! Но ведь бабка Оля говорила...

Или она говорила про кого-то другого? Ну уж нет!

Лариса отыскала в справочнике нужное учреждение. Так, бухгалтерия – не надо, приемная – пожалуй, нет, отдел перевозок – тем более... Оглядевшись – не наблюдает ли кто – девушка набрала номер отдела кадров:

– Здравствуйте, мне сказали, что у вас есть вакансия секретаря...

Господи, а если нет у них такой вакансии? Ведь наугад брякнула! Бабка Оля, помоги! Пусть мне повезет!

Лариса изо всех сил сжала свое кольцо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.